

Но, к сожалению, и перечисленные выше зарубежные издания, и данная энциклопедическая справка, стыдливо умалчивают о том, чего ради ПАПЕЙ ЛЬВОМ была создана клерикальная коллегия, возглавляемая августейшим кардиналом Бергоми, и какое именно творческое наследие покойного Элоиза Д'Агостины ей так хотелось «упорядочить».

Однажды зимней ночью к семидесятилетнему Элоизу, уже убежденному сединами, уже уставшему от славы и дыма сражений старцу, обратилась стройная молодая женщина в черной маске, которую она согласилась снять только тогда, когда они останутся наедине и только тогда, когда Элоиз пообещает, что не разгласит ее тайны. Элоиз пообещал и при свете камина увидел перед собой бледное прекрасное лицо жены дожа Венеции.

Мы не можем с точностью сказать, о чем беседовали Беатриче Борджиа и Элоиз Д'Агостины, последний умел хранить тайны, но через некоторое время, а точнее, через два месяца после этой беседы, в городе тихо заговорили о том, что древо семейной жизни дожа, засохшее казалось бы навсегда, из-за абсолютной непригодности Княгини к

на из узорчатого стекла тяжелыми портьерами закрывались от солнечного света, пришло счастье. И когда кто-нибудь из гостей очередного бала, кивая Князю на удивительно похорошевшую, оживленно щебечущую Княгиню, тихо вопрошал, как, мол, тебе это удалось, Князь, незаметно перемигиваясь с Княгиней, будто члены тайного общества, сумевшие вместе провести операцию, о которой никто не знает, отвечивал, по-дружески приобнимая собеседника: «Просто, Князь».

Нет, Элоиз Д'Агостины не выкапывал чудодейственные корни при свете луны, не поил Княгиню кровью молодого козленка, не растирал ее сонное лono змеиным ядом и соком папоротника. Нет... Он извлек из тайничка в стене запрещенный Церковью «Сатирикон». Он разбил великий «Сатирикон» Петрония на шестьдесят глав. Он выписал эти главы, деля каждую на две сцены, отвергая то, что не служило его целям, и придумывая то, что могло сослужить им пользу. Затем он прочел это своим самым верным ученикам, и многие из них пришли в замешательство от услышан-

ОТЕЦ ПОРНОГРАФИИ

Великий Элоиз Д'Агостины скончался в возрасте семидесяти четырех лет, на вершине блестящей карьеры в родовом замке своего ближайшего друга и покровителя Цезаря Борджиа.

Он скончался, искренне оплакиваемый многочисленными учениками, их родственниками, самим Цезарем, его безутешной молодой супругой, мрачным односторонним садовником по кличке Пэпа и клерикальной коллегией из шести высокопоставленных чиновников, назначенных тогдашним Папой Львом, для разбора и упорядочения творческого наследия покойного.

Его смерть наступила в ночь на двадцать пятое октября 1390 года, то есть, ровно через шестьдесят лет с того самого дня теплой флорентийской осени, когда на макушку четырнадцатилетнего Элоиза опустилась тяжелая отцовская длань, пахнущая соленой рыбой, и сильный пинок в зад навсегда вышвырнул его из родного дома. С разбитым носом и высоко поднятой головой Элоиз двинулся вперед, к темному горизонту, оставляя позади свое безрадостное полуголодное детство в рыбацкой хижине с сырыми потолками, трех младших братьев, казненных впоследствии за разбой, угрюмую мачеху и ее пятнадцатилетнюю дочь Луизу, чьи красноречивые синяки на маленькой, совсем еще детской груди и девственность, безвозвратно утерянная ею во время схватки в углу деревянного сарая, между старыми снастями и иконой святой Магдалены, в совокупности и послужили поводом для изгнания бедного Элоиза, предвзвешенно обритого наголо безжалостной отцовской рукой.

Никто не высочил за ним на крыльцо, никто не позвал его обратно.

За прошедшие с того дня шестьдесят лет своей жизни, наполненной глубокими страстями, гениальными открытиями, великими пророчествами, искренними заблуждениями и не менее искренними раскаяниями Элоиз Д'Агостины много еще чего испытал. Во время пожара в Риме сгорает неоконченная картина Элоиза, заказанная прусским курфюрстом; его красавица-жена, с которой они прожили менее двух лет, умирает от чумы, следом болезнь уносит единственного сына; Элоиз, обвиненный в ереси, изгнан из Флоренции; принят при дворе французского короля Карла, где делит свое брачное ложе с небольшой, но энергичной группой местных любовников своей новой супруги графини де Фонтен, часть из них убивает на дуэлях; бежит в Испанию, расписывает там храм Девы; прощен новым Папой, облакан, пожалован дворянством; сочиняет трактат под названием «Пропорции Божественные и Мнимые», в коем приходит к выводу о том, что величина фаллоса в произведениях художников, ри-

сующих или лепящих обнаженную натуру, должна соотноситься с телом не более, как пропорция одного к восемнадцати (1:18); предсказывает землетрясение в Португалии; бунтующей генуэзской черню сбросив с лесов возводимых им же фортификационных укреплений; на время теряет память; приобретает средство для выведения излишней волосистой растительности, средство единственное и уникальное в своем роде, о чем свидетельствует хотя бы памятник, установленный на его родине усатыми итальянскими женщинами; наконец, восстанавливает память; женится в третий раз и так далее, и так далее.

И обо всем этом очень подробно и в достаточной степени объективно рассказывают монографии Тима Уэлли, Джессики Лерду, ставший библиографической редкостью роман Дэвида Стоуна «Everybody goes Home», многочисленные воспоминания современников, и даже наш, неисключенный в зарубежной периодике подобно толка читатель, может почерпнуть некоторые сведения о великом гуманисте в не так давно вышедшей Энциклопедии Зарубежных Искусств, где о нем говорится буквально, следующее:

ЭЛОИЗ Д'АГОСТИНЫ (прибл. 1316—1390) — ХУДОЖНИК, ФИЛОСОФ, АЛХИМИК НАЧАЛА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ. РОДИЛСЯ ВО ФЛОРЕНЦИИ, В СЕМЬЕ БЕДНОГО РЫБАКА. ВЛИЯНИЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА ПРОСЛЕЖИВАЕТСЯ В РАБОТАХ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ, МИКЕЛАНДЖЕЛО, В АРХИТЕКТУРНЫХ РАБОТАХ РОССИИ (И ДР.) ИЗВЕСТЕН ТАКЖЕ КАК АВТОР РЯДА ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРУДОВ. ИЗОБРЕЛ ВОДНЫЙ ВЕЛОСИПЕД. (конец цитаты).

выполнению своей супружеской миссии, вследствие ее полной к этому нечувствительности, так вот, это чахлае деревце день ото дня стало расцветать, тянуться вверх, зеленея, а вначале маленькими листочками, а потом уж и вовсе затрясло, зашумело влажной и пышной кроной, наполненной любовным соком, защебетало разноголосым птичьим гомоном над фиолетовым балдахинном супружеского ложа, да так громко, веело и разнообразно, с таким нескрываемым азартом, что резко осунувшийся, но зато странно помолодевший Князь в церкви на воскресной проповеди неожиданно лишился чувств. Княгиня же неудержимо прогрессировала, и дерево не только тянулось вверх все выше, и выше, но и отпочковывалось в разные стороны молодыми побегами, которые норовили перехлестнуться с другими побегами, от других деревьев, растущих как рядом, так и поодаль. У Княгини появились любовники.

Но Князь смотрел на это сквозь свои тонкие и длинные пальцы, унизанные фамильными перстнями. Тем более что Княгиня, долгое время считавшаяся бесплодной, наконец забеременела, а Элоиз Д'Агостины с торжественными почестями был препровожден в родовой замок Князя, на постоянное место жительства. Кстати сказать, с пожизненной рентой.

В мрачном средневековом замке, где совсем недавно безраздельно царствовала тоска, где заплесневевшую тишину залов лишь изредка тревожили осторожные шаги прислуги, сквозняки и скорбные стоны легковесных душ многочисленных убиенных родственников, в замок, где высокие прямоугольные ок-

ного. Но их учитель был доволен этим. Затем на тонкой фольге он нарисовал обнаженную женщину и спросил их: «Кто это?»... И они сказали в один голос, что это Княгиня. Тогда он заперся в доме и не выходил оттуда до тех пор, пока не нарисовал к каждой придуманной им сцене действие, где Княгиня в обществе известных и вымышленных им лиц, предавалась разврату. Затем он наклеил рисунки на большие квадратные листки кожи и соединил их вместе так, что при надобности их можно было двигать и рассматривать по одному через отверстие, вырезанное по размеру листа. Затем снова собрав учеников, он показал то, что сделал, читая при этом сцены, и, когда увидел их покрасневшие лица, то спросил, отчего они такие, от стыда или от желания? И ученики ответили, что от последнего.

А на следующий день, человек, придумавший кинематограф, в котором отсутствие актеров компенсировалось качеством зрителей, скромно стоял в длинном коридоре, предвещающем вход в покои Княгини. Он не мог знать тогда, что над белой каретой с папским гербом, выехавшей ранним утром из ворот замка Борджиа, разразится гроза, что вспышка молнии превратит в пепел все то, что кардинал Бергоми с такой тщательной предосторожностью отправлял в ватиканские подвалы, что человек по фамилии Феллини снова экранизирует «Сатирикон», что через шестьсот лет после смерти Элоиза Д'Агостины на его могиле в Венеции кто-то выведет зеленой несмываемой краской — ОТЕЦ ПОРНОГРАФИИ.

Геннадий ОСТРОВСКИЙ.

